

З. М. КАНЕВСКИЙ

Загадки и трагедии Арктики

Paulsen

Москва 2020

УДК 910.4

ББК 84

К193

*Текст публикуется по изданию:
Каневский, Зиновий. Загадки и трагедии Арктики.
М.: Знание, 1991. 192 с.*

Каневский, З. М.

К193 Загадки и трагедии Арктики. / З. М. Каневский. Москва: Паулсен, 2020. – 224 с., илл. – 38.

ISBN 978-5-98797-259-5

Загадочное и трагическое идут в Арктике рука об руку. Погибшие и исчезнувшие экспедиции далекого прошлого, суда В. Русанова и Г. Брусилова, пропавшие уже в XX в., секреты, связанные с эпопеей спасения экипажа дирижабля «Италия», таинственная Земля Санникова, острова-миражи в Ледовитом океане, исчезнувший самолет Сигизмунда Леваневского, уничтожение советских полярников в 1930–50-х гг. – об этом и многом другом книга почетного полярника, автора многочисленных произведений об исследованиях Арктики и Антарктики З. М. Каневского.

«Загадки и трагедии Арктики» – последняя прижизненная книга писателя, вышедшая в свет в 1991 г. Издательство «Паулсен» спустя 30 лет предоставляет возможность новому поколению читателей ознакомиться с таинственными и часто трагическими эпизодами изучения Арктики.

УДК 910.4

ББК 84

Рисунки на обложке: Алексей Григорьев

ISBN 978-5-98797-259-5

© Каневский З. М., наследники, 2020

© ООО «Паулсен», 2020

Содержание

<i>Жить для возвращения</i>	5
Вступление.....	11
Именитые и безымянные.....	13
Колумбы ли открывают Америки?	13
Несправедливости обычной карты	24
Пропавшие экспедиции	29
Два портрета из XVIII столетия.....	29
«Итак, она звалась Татьяна...».....	40
«Решила сделать, что могу...»	46
Советская Земля... Николая II	54
Как звали Ивана Львовича Татаринова	69
Сколько было капитанов?	69
«Не сотвори себе кумира!»	82
Кто и когда?.....	101
Загадки Красной палатки	121
Кочующие призраки	145
Ищу Леваневского	161
Страшнее любой стихии.....	177
Земля Иванов Денисовичей.....	177
Вдогонку за биографией	182
Как истребляли «Сборную Союза».....	192
От солдата до маршала	210
<i>Библиография</i>	222

Зиновий Михайлович Каневский
1932–1996

Жить для возвращения

Полярная ночь, ты похожа на женщину, пленительно прекрасную женщину с благородными чертами античной статуи, но и с ее мрачной холодностью... Непорочная, прекрасная, как мрамор, гордо паришь ты над замерзшим морем; сверкающее серебром покрывало, сотканное из лучей северного сияния, развеивается по темному небосводу. И все же порой чудится скорбная складка у твоих уст и бесконечная печаль в глубине твоих темных глаз...

Ф. Нансен. «Фрам» в Полярном море

Зиновий Михайлович Каневский – человек удивительной судьбы. Способный пианист, он всерьез думал об учебе в знаменитом Гнесинском училище. «Музыку я любил, играть на фортепиано обожал, и у меня это получалось»¹. Он продолжал брать уроки музыки, уже поступив в 1950 г. на географический факультет Московского государственного университета. На факультете в то время читали лекции корифеи отечественной географии: Н. Н. Баранский, И. А. Витвер, И. С. Шукин... А океанолог, профессор Николай Николаевич Зубов, «мичман при Цусиме, колчаковец при Колчаке», настолько заинтересовал студентов своими лекциями, что большая их часть сразу возмечтала стать океанологами. Как писал Каневский, «я не был исключением, мешала самая малость: я позорно укачиваюсь даже на речном трамвайчике». В результате Зиновий был зачислен на кафедру географии северных и полярных стран, впоследствии переименованную в кафедру криолитологии и гляциологии.

Первая заполярная учебная практика – запомнившаяся навсегда поездка в Хибины. Производственные практики после третьего

¹ Из книги З. М. Каневского «Жить для возвращения». М.: Аграф, 2001.

и четвертого курсов молодой человек провел уже в настоящих арктических экспедициях, организованных Институтом мерзловедения, где директором был академик Обручев, крупнейший знаток геологии Сибири, автор романов «Земля Санникова» и «Плутония». Тяжелейший пеший маршрут через всю Чукотку – семьсот километров. «Все четыре геофаковских года я грезил об этих краях. Словно замороженный, повторял на занятиях по физической географии Арктики десятки наименований. Тут были озеро Эльгыгытгын, остров Аракамчечен, поселок Эгвекино, горные массивы Ыськатынь, Ыннимней, Тэнтаный, Итэньюрген и, первойшая из первых, река Амгуэма, перерезающая с юга на север почти всю Чукотку».

По окончании МГУ в 1955 г. гляциолог Зиновий Каневский вместе с женой Натальей, тоже выпускницей географического факультета, был направлен на работу на полярную станцию «Русская Гавань», расположенную на севере архипелага Новая Земля. Каневский получил экзотическую должность инженера-географа высшей квалификации; его жена, хоть и с таким же дипломом геофака, – должность метеоролога-наблюдателя (второй инженерной ставки на полярной станции не было).

30 июня ледокольный пароход «Георгий Седов» вошел в залив на Северном острове Новой Земли. В жизни Каневских начиналась новая эпоха – Дальняя Зимовка, которая продлилась почти четыре года. Полярная станция «Русская Гавань»: «Мы очутились в мире, не похожем ни на какой другой. Два-три деревянных дома на каменистом, заснеженном одиннадцать месяцев в году берегу, безлюдье, раскинувшееся на многие сотни труднопреодолимых километров, сияющее в полуденные летние часы солнце, одни и те же лица вокруг, одна и та же работа, сотканная из бесконечной серии раз и навсегда заведенных гидрометеонаблюдений, обилие разнообразных житейских забот».

По требованиям техники безопасности одиночные маршруты запрещены, но на станции всего четырнадцать человек, у всех свои четко прописанные обязанности, и Каневскому приходилось совершать вылазки полутайком, каждый раз уходя все дальше и дальше от станции – сперва на три, пять, восемь километров; затем начались дальние походы на ледник Шокальского, один из самых больших на архипелаге, площадью 512 квадратных километров.

В конце июня 1956 г. Каневский оборудовал на леднике Шокальского маленькую станцию для гляциологических и метеорологических наблюдений и прожил там в одиночестве до начала сентября. Через год на леднике были созданы постоянные станции – «Барьер Сомнений» и «Ледораздел», на которых вахтовым методом постоянно дежурили наблюдатели, в том числе и Каневский с женой в течение последующих двух лет.

После возвращения с «Ледораздела», в марте 1959 г., Каневский по поручению начальника «Русской Гавани» отправился вместе с гидрологом Анатолием Афанасьевым на морской лед в трех километрах от станции, чтобы провести там 26-часовую серию наблюдений. В конце работы, когда оборудование уже было собрано и наступило время отправляться в обратный путь, на них обрушилась бора.

«Бора налилась какой-то совершенно дьявольской силой. Мне попадались ее описания, сделанные бывалыми зимовщиками-новоземельцами, где приводились леденящие душу сведения о ветре свыше сорока метров в секунду... Во время подобной неистовой боры рушатся береговые строения, слетают с крыш печные трубы, выдавливаются окна, а летом, бывает, ураган полностью “высасывает” воду из озерков вместе с их рыбной и прочей фауной!»

В «Русской Гавани» бора случалась часто, в любое время года и суток, и длилась два-три, а иногда и десять-одиннадцать дней. Скорость ветра во время боры может достигать тридцати-сорока метров в секунду, а то и более, то есть это уже ураган, сбивающий человека с ног. Особенно опасна бора на припайном, еще не окрепшем льду, который она отрывает от берега и уносит в море. Именно на таком льду проводили наблюдения Каневский и Афанасьев: открытая вода Баренцева моря была всего в восьмистах метрах от них, а до берега был километр пути, и пройти – не пройти, а проползти! – его надо было против ураганного ветра.

Из тысячи метров, отделявших Каневского от берега, он ценой невероятных усилий, впадая в забытие, преодолел семьсот. Эти семьсот метров он полз целых двадцать часов. Бора внезапно затихла, его увидели и перенесли в дом полярники. Вскоре нашли и Анатолия Афанасьева – уже мертвого. Бора сменилась густым туманом, и самолет с Диксона ждали пять дней. Двое суток Каневский пролежал в больнице Диксона, и был он настолько плох, что врачи не решились его трогать. После Диксона Каневского доставили спецрейсом в Архангельск, а от туда – в Москву.

В апреле 1959 г. Зиновию Михайловичу ампутировали обе руки ниже локтей, а в мае – пальцы на ногах. И стало окончательно ясно, что «те двадцать часов, что он полз по морскому льду на Новой Земле, в лютый мороз навстречу ураганному ветру,местили крушение жизни, крушение всех надежд. Опаленный страшной бедой, без обеих рук и пальцев ног, он вышел из боли и страданий в тишину и опустошение»².

Ему нет еще двадцати семи лет, и надо учиться жить заново: ему, полярнику, влюбленному в Арктику, путь туда был закрыт; ему, способному пианисту, путь был закрыт и в музыку. Но спустя два года, приехав к своей учительнице музыки, совсем уже старенькой и слепой

² Из предисловия к книге З. М. Каневского «Жить для возвращения». М.: Аграф, 2001.

Александре Мартиновне Хостник, он «сел к роялю и принялся наигрывать и напевать, как тогда говорили, “песни советских авторов”... Александра Мартиновна окаменела, я, напротив, размягчился до безобразия и плакал. Хороший получился вечерок!».

«Первые годы после несчастья по инерции он вел какое-то подобие научной работы: обрабатывал наши новоземельские наблюдения, написал статью и главу в коллективную монографию об оледенении Новой Земли, делал довольно много переводов научной литературы, которые публиковались в гляциологических изданиях. Так продолжалось года четыре, пока мы не поняли, что это тупиковый путь. В штат Института географии его не брали, да и что бы он там стал делать, если в экспедиции уже ездить не мог. Решили, что наиболее приемлемое для него занятие – переводы, научно-художественные или научно-популярные»³.

Тянуло к «перу и бумаге». И он стал писать. Начал с переводов с английского языка нескольких брошюр по гляциологии, затем перевел для Географиза приключенческую повесть «Один в джунглях» Виктора Нордвуда, в течение двух лет работал над переводом фундаментального труда «Америка глазами первооткрывателей». Писал сначала перьевой ручкой, с большим трудом – она выскальзывала из «пальцев» протеза, – потом стал печатать на портативной немецкой машинке «Оптим» с помощью специальных плексигласовых молоточков.

Но тяга «полярного волка» к путешествиям, помноженная на силу воли и оптимизм, взяла свое. Сначала состоялась экспедиционная поездка на машине по всему черноморскому побережью Крыма и Кавказа с университетским товарищем, потом Каневским овладела идея снова побывать в Арктике – друзья пригласили на полярную станцию на острове Хейса (Земля Франца-Иосифа). С острова Хейса Каневский шлет домой короткую радиограмму: «Я счастлив!», «и в этих словах сохранилась правда, вся правда, и только правда! Задували метели, били в лицо, закрытое матерчатой маской, я задыхался от упругого морозного воздуха, передвигаясь навстречу ветру короткими перебежками между домами, руки в протезах отчаянно леденели, ноги в унтах промерзали, казалось, насквозь... и все вместе это называлось счастьем». Очерк об этой поездке стал первой публикацией Каневского в очень популярном тогда журнале «Знание – сила», выходившем тиражом семьсот тысяч экземпляров.

Продолжение сотрудничества с журналом вылилось в частые командировки на Крайний Север и во многие города страны, прежде всего в Ленинград, где Каневский брал бесчисленные интервью у знаменитых

³ Из воспоминаний Натальи Давидович-Каневской (послесловие к книге З. М. Каневского «Жить для возвращения». М.: Аграф, 2001).

полярных исследователей и подолгу работал в богатейших архивах музея Арктики и Антарктики. В 1969 г. издана его первая книга – «Между двух океанов» – про историю освоения трассы Севморпути, через четыре года вышла еще одна – «Разгаданный полюс» – об открытии Северного полюса и сразу вслед за ней – «Льды и судьбы». И далее, на протяжении более двадцати лет, до самой смерти Зиновия Михайловича в 1996 г., – четырнадцать книг, посвященных истории открытия и освоения Арктики, более пятидесяти статей в научно-популярных журналах, переводные статьи и книги...

Вдова писателя так пишет в своих воспоминаниях о Зиновии Каневском: «Зиночек – это особый мир, уникальный и прекрасный в своей человеческой сущности, но как об этом написать (я не умею), чтобы не получился слащавый, засахаренный образ, как словами отразить его своеобразие, притягательность, особый магнетизм, и в чем он? ...все, как сговорились, в подробностях описывают тот трагический случай на Новой Земле, и как это его не сломило, и он продолжал ездить в Арктику и писать об Арктике. Конечно, все это верно, но ведь мужественных людей на самом деле очень много, и пользуются они заслуженным уважением и восхищением, и очерки о них пишут, все правильно. Но к Зиночку, помимо уважения, многие испытывали просто любовь...». И далее: «У Зиночка было удивительно светлое восприятие жизни, которое органически сочеталось с его особым юмором, всегда добрым и мягким, никогда не злым или циничным. Любое острое слово, анекдот, смешная ситуация тотчас же повышали ему настроение и вызвали желание пересказать другим, чтобы и они могли посмеяться... С ним никогда не было скучно, и ему никогда не бывало скучно – от всегдашнего ощущения полноты и интересности жизни. <...> Конечно, его оптимизм – настоящий, глубинный, никак не показной, приправленный его особым, Зинковым, юмором, притягивал к нему множество людей. Но не только это. Главное, наверно, – это его доброта, душевность, настоящий интерес к собеседнику и его проблемам».

* * *

«Загадки и трагедии Арктики» – последняя прижизненная книга Зиновия Михайловича Каневского, и она заметно отличается от опубликованного ранее. О своей литературной работе в советские годы, о цензуре и самоцензуре Каневский очень откровенно написал в автобиографической книге «Жить для возвращения»: «Мне... приходилось кривить душой при публикациях. Я убирал из текста все, что требовали мои редакторы, а это были, как правило, вполне доброжелательные и нормально мыслящие люди. По их настояниям вставлял в книги об освоении Крайнего Севера советскими людьми упоминания о том, что это была героическая эпоха первопроходцев, строителей днепрогэсов,

туркменсибов и магниток... <...> Стыдно, конечно, но я и сейчас, в 1995 г., не знаю, что было бы правильнее – уйти с гордо поднятой головой, не согласившись на исправление твоего текста, или все-таки подчиниться требованиям, чтобы хоть частичка добытой тобою правды увидела свет. Для меня эта дилемма усугублялась еще и тем, что, отказавшись от компромиссов, я должен был поставить крест и на своей литературной деятельности, а никакой иной работы я уже для себя не видел».

Все последние годы жизни Зиновий Каневский работал над тем, что волновало его больше всего, – исследованием самых черных страниц нашей недавней истории. Работал с полной отдачей, несмотря на стремительно ухудшающееся здоровье, – хотел успеть рассказать о том, что еще недавно находилось под полным запретом. «Никакие мои очерки или книжки на арктические темы не обходились без вмешательства бдительной цензуры. <...> Мне удалось написать правду только в конце 80-х гг., когда стала ослабевать, а затем и совсем была отменена все-ильная Цензура. Я стал говорить в полный голос о страшной участи полярников, попавших... под каток сталинских репрессий. Пока что это семь очерков в разных журналах и глава в книге “Загадки и трагедии Арктики”, которую я начинал писать еще в прежние, “цензурные”, времена. Один из очерков назвал “Страшнее всех стихий”. Эта тема теперь и на все последующие годы становится для меня главной».

* * *

Предлагаемая читателю книга З. М. Каневского «Загадки и трагедии Арктики» вышла в свет в издательстве «Знание» в 1991 г. и давно стала библиографической редкостью. Задолго до модного нынче течения с заграничным названием «нарратив нон-фикшн» Каневский писал именно так – умел излагать фактический материал прекрасным литературным языком, ярко, эмоционально, интересно. Этот редкий дар закрепил за работами Зиновия Михайловича Каневского заслуженную репутацию лучших книг об Арктике и Севере.

Вступление

Много заманчивого, нераскрытого, таинственного хранят северные широты. И всегда они влекли к себе людей ищущих, решительных, отважных, о ком взволнованно говорил Фритьоф Нансен: «Кто желает знать человеческий дух в его благороднейшей борьбе с суеверием и мраком, пусть листает летопись арктических путешествий, историю мужей, которые во времена, когда зимовка среди полярной ночи грозила верною смертью, все-таки бодро шли с развевающимися знаменами к неизвестному».

Многих имен мы не знаем и уже никогда не узнаем. Но сколько из них оказались вычеркнутыми из истории нашего Крайнего Севера сознательно, в годы недавних репрессий! И если оставаться верными лозунгу «Никто не забыт, ничто не забыто», мы обязаны поименно вспомнить их всех, убрать «черные» пятна из отечественной истории, подобно тому как стерты с географической карты Арктики белые пятна. В этом автор видит одну из первейших своих задач.

Необходимо сразу оговориться: в предлагаемой читателю книге будет куда больше вопросов, чем исчерпывающих ответов, и в том нет ничего удивительного. От стародавних эпох почти не сохранилось надежных документов (да и ненадежных, по правде сказать, тоже немного), хотя время от времени в государственных архивах случаются поразительные открытия, о чем мы непременно поговорим. Можно надеяться на то, что неожиданные находки ждут своего часа и в личных архивах, в воспоминаниях людей, причастных к Арктике. Автор был бы

счастлив, если бы в результате чтения его книги последовали такие сюрпризы.

Поскольку ясно, что опасностей «на душу населения» в высоких широтах неизмеримо больше, чем в широтах умеренных и южных, то читателю придется привыкнуть к мысли, проходящей через все повествование: размышления о загадках и тайнах идут параллельно рассказу об арктических драмах и трагедиях. Романтика и героика, величие и слабость человеческого духа, бескорыстие и тщеславие сплетаются здесь воедино.

В центре нашего внимания будет история, однако мы поведем разговор и о географии Севера, его природе, значении которой для жизни человечества невозможно переоценить. Тут и климат Арктики, и дрейфующие полярные льды, определяющие жизнь Северного морского пути – а эта ледовая магистраль играет исключительную роль в экономике нашей страны. И вот что примечательно: благодаря усилиям не одного поколения полярников, отечественных и зарубежных, мы знаем сегодня природу Заполярья отнюдь не хуже, чем природу других регионов земного шара, а гидрологический режим и климат Ледовитого океана – так же хорошо, как и Средиземного моря. И это вовсе не преувеличение, а признание строго научного факта.

Область райского Средиземноморья упомянута здесь неслучайно. Как ни парадоксально на первый взгляд, именно оттуда началось проникновение цивилизованного человечества... в Арктику! А потому нам с вами придется на мгновение заглянуть в благословенную Южную Францию, в Марсель, шумный и пестрый многоголосый город-порт на берегу Средиземного моря, чтобы потом надолго отправиться в ледяные северные широты.

Именитые и безымянные

КОЛУМБЫ ЛИ ОТКРЫВАЮТ АМЕРИКИ?

Если подняться по крутым петляющим улицам и улочкам современного Марселя к подножию парящего над городом великолепного храма Нотр-Дам-де-ла-Гард (собор Богоматери Хранительницы) и глянуть вниз, на город, то взору одновременно предстанут два моря – море красных черепичных крыш и голубое Средиземное. Где-то в лабиринте красноголовых домов затерялась улица Каннебьер (Конопляная), где-то – улица Мельянские Аллеи, на которых жили придуманные, но такие осязаемые герои Дюма: юный Эдмон Дантес, его Мерседес, их безжалостные враги. Переведите взор на марсельскую бухту, и вы не сможете оторвать глаз от серых скал и башен острова Иф, в замке-тюрьме которого молодой моряк, схваченный по клеветническому навету, провел горестные четырнадцать лет...

Спокойна марсельская бухта, сотни катеров, яхт, лодочек и лодчонок сгрудились на подходе к пирсу, где бушует рыбный рынок. Солидно пробирается к причалу советский теплоход «Шота Руставели» с очередной партией любопытствующих разноязыких туристов, и требуется определенное усилие, чтобы вообразить себе этот порт, каким он был свыше двух тысяч лет назад.

Еще в VI в. до н. э. фокейские греки, выходцы из Малой Азии, основали здесь колонию Массалия («Врата Востока»), а два

столетия спустя, между 350 и 320 гг. до н. э. (точнее сказать невозможно), один из ее обитателей, грек Пифей, ушел в свое великое, навсегда вошедшее в историю плавание. Это был не местный купец-богатея, а ученый, обладавший обширными географическими, этнографическими, астрономическими, навигационными познаниями, и осуществленную им экспедицию спустя две с лишним тысячи лет оценивали так: «Предприятие Пифея возникло из той чистой, неподдельной страсти к истине, что свойственна всем великим исследователям и открывателям».

Итак, в один из дней неизвестно какого месяца и года IV столетия до нашей эры из гавани жаркой Массалии вышло в Средиземное море греческое парусно-весельное судно. Миновав Гибралтарский пролив, оно не повернуло, однако, на юг, как это традиционно делали финикийцы и карфагеняне, а взяло курс на север. Зачем? Почему? Вот вам первые вопросы, по сути, остающиеся без ответа. Высказывается лишь предположение, что богатые купцы Массалии наняли искусного навигатора Пифея, чтобы он привез им достоверные сведения о странах олова и янтаря¹.

От собственноручных записей, которые вел мореплаватель, сохранились только разрозненные фрагменты по несколько строк в каждом. Они уцелели случайно, и за это надо благодарить другого знаменитого грека – крупнейшего античного географа и историка Страбона, жившего на рубеже старой и новой эры. Это был автор объемного труда «География», состоящего из семнадцати книг. Изучая записи Пифея, Страбон пришел к выводу о том, что они сплошная выдумка. Ему казалось невероятным, что «человек честный, и притом бедняк, мог проплыть и пройти столь большие расстояния, дойти до пределов моря и исследовать всю часть Европы, лежащую на севере». Но, будучи настоящим историком, Страбон не позволяет себе уклониться от цитирования первоисточника, т. е. дневников Пифея, и эти-то цитаты как раз лучше всего сви-

¹ Предположительно нынешняя Прибалтика. – Здесь и далее, если не оговорено иное, все примечания принадлежат автору.

детельствуют в пользу «показаний» первого полярного мореплавателя.

«Варвары² показали нам то место, где солнце отправляется на покой. Ибо случилось... что ночь в тех областях была очень короткой и продолжалась в некоторых местах два, в других – три часа, так что через очень короткое время после захода солнце вновь поднималось». Перед нами типичное описание белой северной ночи (вспомните знаменитые пушкинские строки: «Одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса»), и сделать его в те невероятно далекие от нас времена мог только очевидец.

Похоже, что Пифей побывал в краях, лежащих между шестьдесят второй и шестьдесят четвертой параллелями, откуда рукой подать до полярного круга. Судя по всему, мореплаватель достиг Британских островов, побывал в водах Северного моря и добрался до какой-то таинственной страны Туле. Подавляющее большинство географов и историков более позднего времени полагают, что речь идет о Норвегии, но кое-кто из наиболее азартных всерьез говорит об Исландии и даже о Гренландии. По словам самого Пифея, за этой страной Туле не было уже «ни моря, ни земли, ни воздуха» – вот какое гнетущее впечатление произвели на южанина эти широты, причем отнюдь не зимой, а летом или ранней осенью. Пифей впервые доставил в цивилизованный мир сведения о «маре конкретум» – «свернувшемся море», иными словами, об океане, покрытом плавучими льдами. О них путешественнику рассказали на языке жестов встретившиеся ему коренные обитатели тех мест.

Правда, кое о чем цивилизованный мир знал и прежде, хотя и не из уст непосредственного очевидца. В священных индийских и персидских книгах, «Ведах» и «Авесте», в поэмах эллинов, а позже – в сагах скандинавских викингов и сказаниях русских поморов можно было прочесть о беспредельно далеких краях с незаходящим летним солнцем и беспросветной длинной

² Так Пифей именуется местных жителей.